

## Предиспозиция к садомазохистической организации в контексте сиблинговых конструкций. Часть I

*Д. В. Дудина*

*Дудина Диана Владимировна – психоаналитически ориентированный психотерапевт, психолог.*

*Садомазохистическая организация личности представляет собой феномен не только персонального, но и культурального масштаба, который является следствием архетипически значимого места садизма и мазохизма в обществе. В работах Фрейда и его последователей теме садомазохизма отведено значительное место, и, конечно, авторы рассуждают не только и не столько о девиантной форме сексуальных практик, сколько о складе характера, формировании логики функционирования психического аппарата, структуре, которая весьма далеко отклонена от понятия получения удовольствия во взрослом, сексуальном понимании.*

*Сиблинговое измерение парадоксальным образом оказывается одновременно повсеместным и при том в значительной степени проигнорированным в психоаналитическом изучении. Между тем именно в этой латеральной среде образуется так много пространства для соперничества, конкуренции, борьбы влечений, отыгрывания конфликтов с родительскими проекциями. Эти сложные и противоречивые чувства неподконтрольны центральному закону отца, тем не менее они содержат достаточно сильный потенциал агрессии и вины за нее, а также серьезный риск ранней сексуализации, формирующие особую предиспозицию к возникновению садомазохистической организации.*

*Ключевые слова: садомазохизм, садизм, мазохизм, сиблинги, соперничество, вина, латеральное измерение, влечение к овладению, родительские инвестиции, семья, инцест, конкуренция.*

Садомазохистические паттерны поведения, структурная организация вокруг данной проблематики являются значительно более распространенным явлением, нежели бытовое восприятие понятия «садомазохизм» и форм его фетишизированного представления в искусстве, исследования сексуальных девиаций и т. д. В отличие от тех крайних степеней выраженности садомазохистических тенденций, которые имеют социально резонансные формы и рассматриваются как сексуальная патология (парафилия), сами по себе садомазохистические конструкты в психике – это присущая любому индивидууму конфигурация и естественная часть психической жизни, отнюдь не всегда имеющая прямое осознанно сексуализированное воплощение. Более того, истинный садомазохизм заключается в том, что получение удовольствия отклоняется от области непосредственного сексуального взаимодействия и коитуса как такового. Здесь важно разграничить понятие «активной сексуальной функции» с садизмом, а также понятие «пассивной сексуальной функции» с мазохизмом (Федерн, 2012). Обе категории, характеризующие сексуальное поведение, относятся к выбору полоролевой модели и свойственным чертам мужской и женской сексуальности в целом. Садомазохистическая организация как функционирование психического аппарата тесно связана с конечной десекуализацией отношений с объектами и получением удовольствия в форме алголагнии, доставления или претерпевания моральных и физических страданий.

Тема садомазохизма, безусловно, чрезвычайно обширна, поэтому более узким объектом дальнейших рассуждений будет являться предрасположенность к функционированию в садомазохистической логике психической деятельности участников сиблинговых конструкций.

Учитывая, что в основе взаимоотношений людей лежат триангулярные или парные конфигурации, которые уходят истоками в диадические (мать – дитя) и триадические (мать – отец – ребенок) модели, особенно интересной становится роль сиблинга, как конкурента, мешающего эксклюзивной реализации означенных моделей, а также судьба влечений, предполагающая наличие такого соперника.

Таким образом, сиблинговые конструкции формируют собой особое объектное пространство и среду интенсификации садомазохистических паттернов ввиду специфических условий развития агрессивных влечений, связанных с инициальной конкуренцией и возможной аварией триадических (в случае неполных семей – диадических) отношений, а также ввиду условий возможности ранних психосексуальных травм в латеральном семейном измерении и переносных чувств, вызванных восприятием сиблинга как представителя родителя одного с ним пола.

## Понятие садомазохизма и типология его видов в парадигме работ Зигмунда Фрейда

В работе «Словарь по психоанализу», ставшей источником уточнения толкования понятий психоаналитического применения, Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис пишут: «Садомазохизм – выражение, которое подчеркивает не только симметрию и взаимодополнительность двух разновидностей перверсий – садизма и мазохизма, но также представляет их как пару противоположностей, имеющую фундаментальное значение как в эволюции жизни влечений, так и в ее проявлениях» (Лапланш, 2011, с. 492).

Этимология понятия «садомазохизм» восходит к двум составным частям этого термина, предложенным одним из основателей современной сексологии, известным австрийским психиатром, невропатологом и исследователем сексуальности Рихардом фон Крафт-Эбингом в монографии 1886 года «Половая психопатия». Оба понятия имеют действительные именные прототипы благодаря именам всемирно известных авторов – маркизу де Саду (**садизм**) и австрийскому писателю Захер-Мазоху (**мазохизм**), чьи сюжеты литературных произведений были наполнены сценами, иллюстрирующими соответствующие формы перверсий.

Несмотря на достаточно широкую освещенность феномена садомазохизма в работах наиболее значимых психоаналитических авторов, по мере изучения данной тематики становится очевидно, что существует определенная доля размытости в утверждении взаимосвязи понятий «садизм» и «мазохизм» с точки зрения первостепенности одного из них и соответствующей обусловленности другого. Обращаясь к трудам основателя психоанализа Зигмунда Фрейда, можно проследить своеобразную эволюцию его собственных взглядов на садизм и мазохизм, которая достаточно радикально меняла местами приоритеты этих понятий. Так, в работе «Три очерка по теории сексуальности» мазохизм предстает как вариант продолжения садизма, избравшего в качестве временного сексуального объекта собственную личность. Фрейд рассуждает о том, что пассивная и активная формы этой перверсии всегда совместно встречаются у одного и того же лица (Фрейд, 2021), однако не утверждает примат, ограничиваясь признанием дихотомической природы садомазохизма и оставляя открытым вопрос о том, возможен ли мазохизм без предшествующей трансформации садизма. Идея о том, что первичным является именно садизм, звучит в работе 1915 года «Влечения и судьбы влечений».

Теория влечений претерпевает значительную трансформацию в более поздних работах автора, и в 1920 году «По ту сторону принципа удовольствия» закрепляет роль влечения к жизни и влечения к смерти, а также противоположность любви (нежности) и ненависти (агрессии) в контексте объектного взаимодействия. Именно из компонента ненависти (агрессии) выводится постулат о садистической составляющей сексуального влечения. Фрейд рассуждает о том, что в данном случае садизм может иметь как самостоятельную природу в случае с перверсией, определяющей соответствующую направленность индивида, так и представлять собой частичное (парциальное) влечение из прегенитальных организаций.

Фрейд посвящает теме садомазохизма статью 1924 года «Экономическая проблема мазохизма», и, вероятно, именно эту работу можно считать окончательно фиксирующей автономное положение мазохизма. В соответствии с материалом статьи, психическое функционирование зиждется на трех ключевых принципах: (1) принцип нирваны (термин по Барбаре Лоу), направленный на устранение или удерживание на минимальном уровне возбуждения; (2) принцип удовольствия, содержащий в себе либидинальный императив, что любое желание должно быть удовлетворено немедленно и (3) принцип реальности, который учитывает влияние окружающего мира с его обстоятельствами, соответственно, невозможность незамедлительного получения удовольствия. При этом принцип нирваны выражает тенденцию влечения смерти, принцип удовольствия представляет собой притязания либидо, а его модификация, принцип реальности, – влияние внешнего мира. Именно на стыке сосуществования этих принципов появляется идея о первичном мазохизме, принимается идея о том, что мазохизм возникает как эротизация влечения к смерти, продуцирующаяся в организме как ответ на присутствие деструктивного влечения, связывающегося с либидо. Садизм, как влечение к смерти, направленное вовне в результате работы либидо по отведению этого опасного импульса, может также вернуться в психику, если происходит процесс интроекции агрессии, – тогда этот дважды отраженный импульс станет мазохизмом вторичным.

Типология мазохизма в психоаналитических работах Фрейда описывает три вида: эрогенный мазохизм, женский мазохизм, поведенческий (моральный) мазохизм. Если об эрогенном мазохизме уже упоминалось выше и по сути своей он является естественной, биологически и эволюционно обусловленной системой переработки смертоносных влечений, то о двух других формах стоит поговорить отдельно. Собственно, от прилагательного «женский» в понятии «женский мазохизм» содержательно остается только отсылка к кастрационной фиксации, но отнюдь не значение, что данный вид мазохизма присущ женщинам вообще. Напротив, речь идет о фантазии об избиении, унижении, сексуальном использовании, осеменении и беременности, о положении зависимости и жестокого обращения, исходящих от мужчины. В этой форме мазохизма, как правило, заложена первертность, при которой снятие сексуального возбуждения происходит не в полноценном половом взаимодействии, а посредством мастурбации либо реализуется мазохистический акт воздержания, который становится удовлетворяющим сам по себе. Таким образом, в этой форме мазохизма возникает качество, которое становится центральной особенностью третьего типа мазохизма: «ослабление своей связи с тем, что мы признаем за сексуальность» (Фрейд, 1992). Моральный мазохизм базируется на бессознательном чувстве вины и соответствующей потребности в том, чтобы быть наказанным за проступки. Эволюция мазохистического импульса уже не требует, чтобы это наказание исходило от объекта либидинальной фиксации, и карательный акт ожидаем от любой ситуации и человека. Поведенческий (моральный) мазохизм имеет в основе влечение к смерти, однако импульс влечения к жизни все же возникает в прогрессе

разыгрывания соответствующего сценария. Так, благодаря неосознаваемому сексуальному влечению, лежащему в бессознательной части, мораль снова сексуализируется, тем самым возвращаясь по пути от совести и морали к эдипову комплексу.

Вероятно, нет нужды определять позиции садизма и мазохизма, в силу обоюдного дуализма и взаимобратимости, тем более что современные психоаналитические теории зачастую противоречат классической концепции Фрейда, косвенно (посредством признания первичности мазохистского периода либидинальной организации) фиксирующей первостепенность мазохизма. Можно остановиться на том, что эти понятия существуют во взаимозависимости и всегда совместно, что делает невозможной трактовку одного из них без учета антагониста. И садизм, и мазохизм имеют в своей основе влечение к страданиям и унижениям, в то время как первый приобретает форму «активности», а второй – «пассивности». Тандем этих двух понятий стоит понимать шире, чем аспект сексуальной перверсии, еще и как форму intersубъективной организации (садистическое Сверх-Я и мазохистическое Я), как особое измерение межсубъектных отношений, как полюса господства и подчинения (*Lagache*, 1960).

### **Значение первичных объектов в формировании садомазохистических тенденций**

Как и в отношении рассуждений о том, что же первично – садизм или мазохизм, оставленных без однозначного, постулированного заключения самим отцом психоанализа, существует разнообразие взглядов на то, какому периоду, а следовательно, во взаимодействии с каким из первичных объектов у субъекта происходит выход на садомазохистическую позицию. Часть психоаналитиков приписывает возникновение феномена генитальной стадии, другая же приводит достаточно весомые аргументы в пользу догенитальной.

Здесь необходимо еще раз подчеркнуть действие понятий садизма и мазохизма: речь в данном случае не о той форме садомазохизма, которая способна доставлять сексуальное удовольствие во взрослом периоде, а о прегенитальном уровне работы влечений, не наделенном сознательным или бессознательным элементами сексуального возбуждения или наслаждения (*Лапланиш*, 2011), тем не менее демонстрирующем соответствующие импульсы садистического или мазохистического характера. В своей статье «Экономическая проблема мазохизма» Фрейд рассуждает о том, что эрогенный мазохизм сопутствует всем стадиям развития либидо, меняясь сообразно: «Страх быть съеденным тотемным животным (отцом) происходит от примитивной оральной организации; желание быть битым отцом – от следующей за ней садистско-анальной фазы; как некий осадок фаллической ступени организации в содержание мазохистских фантазий вступает кастрация, хотя позднее она и отклоняется; из окончательной же генитальной организации выводятся, естественно, ситуации, в которых [мазохист] выступает объектом коита и субъектом деторождения,

характеризующих женственность» (*Dolto*, p. 353). Также можно найти первые садистические импульсы, принимая за таковые агрессивные влечения, желающие уничтожить объект, в раннем младенческом возрасте, например, когда ребенок впервые атакует материнский объект путем кусания за сосок ее груди в процессе кормления в гневе от ощущения покинутости и беспомощности за предшествовавшую кормлению разлуку. В раннем периоде младенец вынужден столкнуться с ситуацией объектных отношений, путем перехода от всемогущей позиции к использованию объекта и осознанию отдельности Другого (*Винникотт*, 2017). И пусть на этой стадии садомазохистические тенденции не связаны со взрослой сексуальностью, они вполне способны создать определенные условия для дальнейшей формации и развития ее характерных паттернов функционирования. Так мазохизм, участвующий в объектных отношениях в качестве гаранта непрерывности психического функционирования младенца в периоды фрустрации, то есть выдерживание нахождения в одиночестве в отсутствии матери и галлюцинирование ее проекции, при чрезмерной и слишком часто повторяющейся продолжительности такого отсутствия, способен направить садомазохистическое инвестирование объекта в ущерб собственному мазохизму жизни, обратив его в «мазохистический аутизм», или мазохизм смерти (*Розенберг*, 2018).

Примером и потенциальной детерминантой такого развития может служить описанная в работе о теориях привязанности модель «ненадежного типа» (*Боулби*, 2003), при которой отсутствие достаточно надежной связи и взаимного удовольствия от контактов с матерью постепенно разрушали эмоциональную близость и вынужденно сводили потребности во внешнем объекте к процессам саморегуляции. В своих исследованиях известный немецко-британский психиатр и психоаналитик Герберт Розенфельд описывал, что в подобных случаях нуждающаяся, зависимая внутренняя психическая часть малыша низводится, игнорируется и проецируется в доступные внешние объекты, где впоследствии яростно и активно атакуется (*Rosenfeld*, 1935). С точки зрения садомазохистической экономики это является достаточно наглядным примером аутосадизма, выведенного вовне вследствие непереносимости интенсивных эмоций и неспособности самостоятельно психически их переработать. В случаях более глубоких дезорганизационных процессов и ранних травм, ставших угрожающими и рискованными привести к распаду Я, боль способна стать условием для восприятия собственной целостности, инвестирования себя взамен отсутствующих опорных объектов, что широко распространено в практике самоповреждающего поведения у пациентов, в том числе раннего детского возраста. Жестокий или отсутствующий первичный объект (как правило, это мать) порождает запретные агрессивные влечения, которые еще до того, как будут вытеснены с формированием инстанции Сверх-Я, уже являются недопустимыми по принципу инстинкта самосохранения, который не может позволить произойти уничтожению заботящегося объекта и сложиться тотальной невозможности удовлетворения базовых младенческих потребностей: в еде, холдинге, содержании в чистоте. Так как разрушить первичный объект недопустимо, то жестокие

интенции, предназначенные для него, интернализируются и присваиваются субъектом мазохистическим путем. Позднее, ближе к активации эдипального периода, ребенок, который растет в условиях депривации, вполне может использовать мазохистический механизм для привлечения внимания путем провокации наказаний и в целом инверсированно воспринимать телесные наказания как единственно доступный в свой адрес объектный катексис, каким бы патологичным ни было по сути такое образование.

Переходя к теме садизма и мазохизма в сиблинговом соперничестве, имеет смысл оценить вклад многостороннего феномена садомазохизма в аспекте сиблинговой борьбы в историческом контексте. Культуральная плоскость садомазохизма существует как минимум с начала письменности, по сохранившимся свидетельствам которой еще в Древнем Египте, Древнем Риме, Индии, Японии, Месопотамии и множестве других географических областей существовали открытые садомазохистические практики, часть из которых являлась достоянием общественности и носила ритуальный, обрядовый характер. Как, например, ежегодная публичная порка юношей близ храма Артемиды Ортии в Спарте как ритуал жертвенного характера в усладу великой богине. Нечто похожее изображают фрески на стенах частных домов в Помпеях: это сцены сексуального характера с применением плетей.

В работе «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд в процессе своего исследования приходит к вариации проблемы влечения смерти, которая характеризуется вводимой им категорией – влечением к овладению. Автор описывает значение понятия в связи с целями садизма и мазохизма, к примеру: «что же касается целей садизма и мазохизма, отныне представших как перипетии влечения к смерти, то акцент отныне ставится уже не на овладение, а на разрушение».

Получается, что власть над объектом в конечном счете – сексуализированное влечение к разрушению, то есть к смерти (объекта), что может весьма уместно проиллюстрировать ранняя стадия психосексуального развития ребенка, в которой тот желает овладеть кормящей грудью на оральной фазе, а далее жаждет ее разрушения. Это влечение изолируется как опасное и способное разрушить источник удовольствия, и оно продолжает существовать в обособленном виде, а далее возвращается вместе с наступлением генитальной фазы для овладения объектом, необходимого для совокупления.

Почему в дискурсе о месте садомазохизма в сиблинговом контексте так актуально принятие в расчет влечения к овладению и разрушению, так это потому, что сиблинг – всегда неудобный соперник. Влечение к разрушению – неизбежный вывод из этого соперничества, а влечение к овладению – компромисс сосуществования в приемлемых условиях, где действительное уничтожение невозможно.

В исторической перспективе имеются многочисленные подтверждения внутрисемейных, династических противостояний и кровавых расправ между братьями и сестрами. Не вызывает сомнений то, что до эпохи промышленного переворота Нового времени (конец XIX – начало XX в.)

отношения между сиблингами не соответствовали современным понятиям. Например, в части сексуальной морали, когда было распространено и в определенной мере даже поощрялось заключение браков между двоюродными сиблингами.

Тем не менее современность не могла не унаследовать трансгенерационную информацию, копившуюся многие столетия, когда кровосмешение и расправы между братьями и сестрами носили архаичный, первобытный характер. И когда транзактный путь от «влечения к обладанию» до «влечения к разрушению», смертоносного разрешения сиблингового соперничества, был краток и прямолинеен. Изменилась форма, изменилось воплощение, но не поменялась содержательная заряженность сиблинговых конструкций – на стыке сексуальности и убийственности импульсов.

### **Инцестуозные тенденции сиблингов и садомазохистические игры**

Инфантильная детская сексуальность в теории Фрейда и его последователей характеризуется как полиморфно-перверсная или, согласно термину Вильгельма Штекеля, «панэротическая» по своей природе. Действительно, ребенок до периода достижения фазы генитального «обобщения» парциальных, аутоэротических влечений, чья локализация соответствует одноименным стадиям психосексуального развития, обладает незрелым, разрозненным и диффузным сексуальным влечением. И пусть это влечение нельзя причислить к форме взрослой сексуальности, точнее, для взрослого человека подобная сексуальность по-прежнему была бы инфантильной, а значит – патологичной, ее наличие способно своеобразным путем «ввести в заблуждение» другого ребенка.

Если в отношении инцеста и инцестуозности в адрес родителей существует совершенно определенный запрет, вводимый эдипальной ситуацией и ролью эдипального отца, то для инцестного поведения между сиблингами такого закона как будто не существует. Если рассуждать о гетеросексуальной паре «брат – сестра», то в этом латеральном семейном измерении, невзирая на какую бы то ни было разницу в возрасте, как будто отсутствует постулат о «незаконности» инцеста в рамках своего измерения. Здесь нам придется отойти от позиции взрослого человека с нормальной сексуальностью, чтобы отнестись к этому тезису с фактологической, а не моралистической стороны.

Рассуждая о том, что средиземноморская культура приветствует традицию, в которой брат является своеобразным защитником чести и достоинства своей сестры, на ум приходит меткая фраза Жака Андре, что «от хранителя до обладателя всего лишь один шаг». В работе «Тотем и табу» Фрейд говорит о том, что первыми объектами сексуального желания мальчика являются мать и сестра (*Freud, 1913*), но если запрет на инцестуозные желания по отношению к матери очевиден и за его нарушение положено жестокое наказание в виде кастрации, то горизонтальная плоскость – сиблинговые отношения – остается несколько недосказанной. В той же работе автор рассуждает о традициях племен Меланезии,

Суматры, Фиджи и других в отношении запрета на взаимодействие братьев и сестер «известного возраста», очевидно, имея в виду сиблингов генитального периода. Взаимодействие это ограничено до той степени, что случайно столкнувшиеся в общественном месте брат и сестра должны так или иначе прятаться друг от друга во избежание малейшей возможности взаимодействия. Этот источник напряжения, вероятно, настолько силен и безусловен, что, лишенный семейного или общинного закона, подобного кастрационной угрозе эдипальной ситуации, он имеет единственный путь сдерживания – полное избегание и предотвращение какого-либо контакта.

Многие классики психоанализа, в том числе представители кляйнианской школы, относят проявления сексуальности у детей и даже возникающие при этом сексуальные отношения к норме (*Klein, 1975*). Сама же Мелани Кляйн отмечает, что значение этих игр и последствия для психики зависят от степени переживаемых ребенком вины и тревоги. Причем делается особый акцент на том, что вина и тревога в данном случае относятся не к партнерам по играм, а к родителям. Доподлинно известно, и подтверждением тому служит бесчисленное количество клинических упоминаний, что сексуальные игры происходят между сиблингами в семьях, причем степень серьезности этих действий варьируется от подглядывания и игр, имитирующих взрослое полоролевое взаимодействие, до действительных инцестных половых сношений.

Если объект не представляет собой вариант для идентификации, как не становится объектом собственной полоролевой фиксации и при этом вдобавок не является «запрещенным» как партнер, то есть объект не включен в эдипальную ситуацию, он оказывается вне поля принятия конфликта амбивалентности.

Допустимо предположить, основываясь на материале о сиблинговом соперничестве, влечении к обладанию и влечении к разрушению, а в конечном счете – влечении к смерти такого соперника, что одной из специфических функций инцестуозного поведения между братом и сестрой является слияние, как защита от смертоносных желаний, а также проигрывание первосцены или подражание факту подсмотренной «взрослой» активности.

В таком случае единственным запретом и центральной тревогой инцестных отношений сиблингов является риск деторождения. В первую очередь потому, что зачатие, беременность и роды были бы очевидным доказательством «результата игр» для родителей сиблингов, и во вторую – были бы необратимой аннуляцией достигнутого состояния безопасного слияния латеральных соперников.

Если признать за сиблингами страх замещения и аннигиляции, то инцест между ними с целью своеобразного компромисса влечений – не что иное, как апогей садомазохистических тенденций. Британский психоаналитик Энид Балинт описывает клинический случай регулярных инцестных актов среднего сиблинга и его младшей сестры, продолжавшихся на протяжении шести лет (примерно с шестилетнего возраста девочки, ставшей впоследствии пациенткой госпожи Балинт), как результат жестокого

и непредсказуемого поведения отца семейства по отношению к сыну (Balint, 1993). Результатом такого обращения, вероятно, стало применение насилия брата по отношению к сестре. Автор задается вопросом, каково же распределение сексуальности и агрессии в этом инцестном поведении и могут ли две эти части вообще быть разделены. В приведенной клинической виньетке инцест брата и его сестры предстает скорее в свете садистского отыгрывания, жестокости, которая, с одной стороны, копируется с целью идентификации с агрессором (отцом), а с другой стороны, с самостоятельной ненавистью направляется на младшую дочь, столь бережно воспитываемую отцом-тираном вопреки грубости с сыном.

Все игры, которые составляют основу детских сиблинговых забав, сводятся к ролевому, позиционному распределению: врач – пациент, учитель – ученик, казаки-разбойники – предусматривают наличие подчиненного и доминирующего, зависимого и определяющего, пассивного и активного. С одной стороны, это имитация, повторение, проигрывание тревожных сценариев с целью снятия напряжения. Например, игра в доктора, где ребенок, недавно получивший опыт болезненной медицинской манипуляции у реального педиатра, сам играет во врача с сиблингами и как бы «мстит» обидчику, отождествляясь с ним, проигрывая самостоятельно сценарий, имевший травматический эффект. С другой стороны, по аналогии с клиническим примером, приведенным выше, имеет место феномен овладевания: ребенок «овладевает» ролью доктора и садирует объект в лице брата или сестры («овладевает» и объектом) в той самой роли, в которой в недавней действительности он находился сам. Таким образом проигрывается садомазохистический сценарий со смещением аффекта в активную область, несмотря на то что ядро невроза при этом сосредоточено в мазохистическом опыте и проигрывании этого опыта, в работе смещения.

Существует также измерение гомоэротического взаимодействия однополых сиблингов, и представляется целесообразным разграничить понятия психической бисексуальности в полимофно-первесной организации маленького ребенка, который еще не вступил в фаллическую стадию и разрешение эдипального конфликта, с гомосексуальностью как результатом инвертированного эдипального разрешения задачи идентификации. Травматический опыт раннего соблазнения и использования более взрослым сиблингом способен сформировать болезненную фиксацию, даже если опыт этот был смутно воспринимаем или вытеснен вовсе. Что же касается гомосексуального выбора ввиду инверсии объектной идентификации в эдипальной стадии, то психоаналитическое изучение склонно относить этот инвертированный исход исключительно к роли и влиянию родительских фигур и не уделять достаточного внимания латеральной плоскости, которая тем не менее представлена достаточно значимыми объектами (братьями и сестрами).

В работе «Навязчивость, паранойя, перверсия» (Фрейд, 2015) открывается новое пространство для дискурса о дополнительных плоскостях анализа возникновения гомосексуализма. Автор рассуждает об открытии нового механизма, ставшего доступным для наблюдения в ряде клинических

случаев и связанного с материнским комплексом и чрезвычайно интенсивной ревностью к своим соперникам за эту связь. Механизм заключается в том, что зависть, конкуренция и ревность в отношении материнского объекта провоцировали жестокие, деструктивные интенции к сестрам и братьям (точнее к сиблингам своего же пола). Эти запрещенные агрессивные желания доходили до убийственных. Невозможность их удовлетворения приводила к реорганизации влечений, трансформации чувств в обратный, парадоксальный феномен – ненавистные сиблинги становились объектами гомосексуальной любви.

Описание, которое предлагает Фрейд, характеризует защиту в виде реактивного образования – превращение влечения в его противоположность. В символическом смысле это близко к принесению себя в жертву сопернику, представлявшему угрозу исключения субъекта из столь драгоценных отношений с анаклитическими объектами, и – если позволить себе развить эту мысль и связать ее с материалом прошлого раздела, – это позволяет присвоить себе те достоинства, которыми обладает соперник, путем более безопасного, чем противостояние, слияния с ним. Что в очередной раз создает садомазохистическую установку обоюдной виновности, где под приматом сексуального влечения амальгамирован резервуар самых жестоких и разрушительных желаний, какие только могут возникнуть при конкуренции.

Представляется возможным предположить, что описанная стратегия ближе к гомоэротизму, возникающему в братских сиблинговых конструкциях, в силу природы мужской фаллической конкуренции и стремления к главенству, устранению соперников на физическом уровне, покорению их. Так как любая форма полового сношения, представленная в мужской гомосексуальности, пенетративна, в отличие от женской, и ассоциирована с унижением, то братский гомоэротизм по природе своей ближе к понятию садомазохизма, даже в случае добровольного участия партнеров.

Классическая психоаналитическая литература практически не затрагивает тему гомоэротизма в сестринских сиблинговых отношениях, хотя нет оснований полагать, что это взаимодействие не происходит в действительности. Вероятно, при учете прохождения процесса идентификации с матерью и «нормальности» этой матери, если не произошло инверсии выбора полоролевой модели, сестринский гомоэротизм биологически несамостоятелен и относится к аутоисследовательской, а не захватнической функции.

Возвращаясь к факту латеральности сиблинговых конструкций, отсутствию действительной иерархии между сестрами, которая в мужском братстве имитировалась бы за счет аспекта силы и физического превосходства, на данном этапе женский гомоэротизм сиблингов оказывается в теневой зоне. Можно предположить, что сестринский гомоэротизм у идентифицированных с «женским» сиблингов не может быть включен в самостоятельную садомазохистическую концепцию ввиду отсутствия фаллической конкуренции, отсутствия тревоги «потери» пениса и тревоги беременности. При этом он может быть символически соотнесен с

инцестуозным желанием по отношению к матери, сместившимся с первоначальной цели влечения на объект-субститут в виде сестры.

Вероятно, женскому гомоэротизму в сиблинговых конструкциях отведена роль сублимации влечения к матери и несколько патологической (нарциссической) попытки завладения идентификацией, фантазма о возвращении в утробу, регресса на оральную стадию и восприятия «зеркального отражения» себя в процессе сексуализированного взаимодействия с сестрой. Тогда как в ядре гомоэротизма братьев – агрессия, жестокая фаллическая конкуренция и эволюционное стремление к главенству, а часто – ассоциированность с жестоким или перевозбуждающим обращением отца, которое таким образом перепроживается садомазохистским путем в отношениях с сиблингом.

### **Психоаналитический взгляд на сюжет сказки братьев Grimm «Гретель и Гензель» в аспекте сиблингового садомазохизма**

Старинная немецкая сказка, как и многие другие литературные произведения, наполнена метафорическим смыслом, через который открывается символическое значение описываемых деталей сюжета. В основе повествования лежит история о двух детях, старшей сестре Гретель и младшем брате Гензеле, которые растут в простой деревенской семье дровосека и его жены, едва сводящих концы с концами (*Jeffers, 1980*). В самое бедное время родители решают, по настоянию жены-мачехи, избавиться от детей, оставив их в глухом лесу с последними кусочками хлеба. Отец отводит детей в лес, оставляя их там на верную погибель, но Гензель успевает разбросать камушки по дороге в лесную чащу и находит обратную дорогу домой к великому неудовольствию мачехи и замешательству отца. Вскоре родители предпринимают еще одну попытку отвести детей в чащу леса, но на этот раз Гензель крошит выданную ему порцию хлеба в надежде вернуться по крошкам домой, как стемнеет и путь озарит лунный свет. Увы, крошки оказываются склеваны лесными птицами, и дети не могут вернуться, поэтому вынуждены искать спасения в лесной чаще. На третьи сутки голодного скитания в лесу они прибились к избушке. Волшебная избушка была покрыта сахаром, стены сделаны из печенья, а окошки из сахарных леденцов. В процессе поглощения сладкого домика из него вышла страшного вида старуха, которая пригласила детей в дом, досыта накормила их молоком, яблоками, медом и орехами, а после устелила им кровати и уложила детей отдыхать. Еще до пробуждения детей старуха зашла в их комнату, посмотрела на румяные щеки Гензеля и схватила его своими костлявыми руками, утащив в клетку. Дальше старуха принудила Гретель откармливать брата, чтобы, как он разжиреет достаточно, ведьма могла бы его зажарить и съесть. В качестве способа оценить степень откармленности Гензеля старуха заставляла его просовывать ей палец через прутья клетки, по толщине которого она должна была понимать, насколько он распух от еды. Гретель смекнул, что вместо пальца можно высовывать куриную косточку, чтобы старуха

подольше держала его живым и не силилась съесть, покуда он не обрастет мясом и жиром. В какой-то момент колдунье надоело ждать, и она приказала Гретель развести костер, чтобы на нем зажарить брата. Девочка выполнила поручение, но старухе пришло в голову избавиться и от сестры. Она приказала Гретель почистить жерло печи, да так, чтобы та влезла и сделала это изнутри. Гретель угадала коварное намерение погубить ее таким образом и изобразила, что не умеет этого делать. Нетерпеливая старуха с недовольством стала демонстрировать, как следует залезать в печь, но тут девочка ловко толкнула ее внутрь печки и закрыла заслонку так, что старуха сгорела заживо. Гретель освободила брата, вместе они ограбили хижину ведьмы, забрав с собой несметные сокровища, и направились в сторону отчего дома. Брат и сестра выбрались из леса и вернулись домой к отцу. Выяснилось, что за время их отсутствия таинственным образом скончалась мачеха – жена отца. Дети вынули награбленные богатства, рассыпав жемчуга и драгоценности по полу лачуги, и бросились в объятия счастливого отца. Повествование заканчивается на том, что с такими несметными сокровищами отныне не знали они голода и нужды да зажили припеваючи.

Итак, первое и решающее метафорическое измерение братья Грим вводят, говоря о том, что семья жила впроголодь, то есть на всех ее членов не хватало ресурсов: в буквальном значении сказки речь о еде, в символическом можно предположить, что речь идет о любви и энергии жизни, которая питает. То есть символическая картина разворачивается в обстоятельствах дезинвестиции детей родителями, попытках избавиться от них, чтобы либидо хватило на них самих.

Здесь возникает фантазия о попытке исключить детей из той первосценны и обмена этой пищей-либидо между двумя взрослыми, где «жена дровосека» неожиданно приобретает по тексту сказки другое название «мачеха». То есть отвержение ею (ведь именно она подстрекает отца семейства на избавление от троглодитов-детей) равносильно для них неузнаванию своей матери. Она становится плохой матерью, то есть мачехой. В пространстве их близости больше нет места детям.

Впервые они отправляются в лес, что подобно погружению в бессознательное, и отец разводит для них костер, а дети укладываются возле него – пламя в темной лесной чаще как будто символизирует первые импульсы влечений – огонь разведен отцом. Это желанья, с которыми соприкасаются дети, фантазируя о том, чем могут предаваться родители в их отсутствие.

Дальше сюжет происходящего в лесу словно расслаивается на две судьбы одного и того же сновиденческого акта: дважды дети будут засыпать в этом месте, в первый раз – из бессознательного пространства к ним приходит фантазия о рутинном разрешении событий, а во втором – перверсная фантазия с тяжелой садомазохистической подоплекой в нарушение эдипального закона.

1. Первое сновидение. Дети дремлют у костра, они и не думают самостоятельно искать родителей, ведь отец-дровосек привязал к сухому дереву чурбан, тот ударяется на ветру, напоминая звуки рубки, а значит,

отец рядом и занят. В символическом значении это угроза кастрации, а отец-дровосек помещает соответствующую кастрационную тревогу как напоминание о жестоком наказании в пространстве бессознательного, так чтобы дети не нарушали главного эдипального закона и не смели вмешиваться в дела родительской пары. Сон настигает брата и сестру, а когда они пробуждаются, то это полугаллюцинаторное пространство – их символический путь домой озаряет луна, и ее свет – символ материнского, полного и плодородного. По камушкам (отсылка к анальной эротике), которые брат еще днем разбросал по пути, дети добираются обратно домой к великому неудовольствию мачехи.

2. Второй «сон во сне»: пробуждаясь в лунном свете, дети снова устремляются к тропинке, но на этот раз разбросаны братом были не камушки, а хлебные крошки от выделенного ему кусочка. Он должен был съесть этот кусочек, и поэтому сестра разделила свою порцию хлеба на двоих. Сестре уже пришлось поделиться своей пищей, своим либидо и своей энергией жизни – она инвестировала его в ущерб себе. Предназначенное ей одной, выданное мачехой еще дома, она вынуждена теперь поровну разделить с младшим братом. Вдобавок выясняется, что хлебные крошки – фрагментированные и парциальные влечения, которые брат раскидал днем, – исчезли, по ним не найти дороги к «цельному объекту» (дому детей). Снова лес бессознательного озарен лунным сиянием материнского света, но теперь он ведет не к нормальному эдипальному разрешению, а в самую чащу бессознательного, где их ждет столкновение с Архаической матерью (ведьмой).

Стоит остановиться на этом втором варианте сновиденческой фантазии, в котором дети погружаются в Оно – самую глубину леса бессознательного. Сестра и брат набредают на сказочный домик, который в описании сказки фигурирует как «избушка», поэтому можно представить себе коническую форму строения, съедобную по тексту сказки. Так дети припадают к питательному фасаду, словно к хорошей материнской груди, которую они начинают яростно поглощать, будучи изможденными голодом и фрустрацией нахождения в одиночестве в лесной темноте. На пороге появляется ведьма – прообраз каннибалистической и плотоядной матери, которая скоро сама попробует сожрать своих детей.

Когда Гензель оказывается заточен в клетку ведьмой, Гретель обучается домашним делам, словно образно принимает женскую идентификацию. В аспекте настоящего исследования примечательно отметить, что, кроме слез по участи брата, девочка не предпринимает никаких усилий его спасти. В этом смертельном соперничестве она исправно носит ему еду, которую по научению Архаической матери готовит для Гензеля, с полной готовностью, чтобы съели его, а она, Гретель, осталась бы жива и невредима. Брат же хитростью избегает возможности раскрыть Архаической матери степень своего взросления через демонстрацию пениса (в сказке – палец, который он прячет, подсовывая подслеповатой ведьме обглоданную куриную косточку). Очевидно, делает он это неспроста: он знает, что половозрел и реальный «палец» заставит старуху-ведьму тотчас его поглотить как угрозу ее собственной фалличности. Ему неизвестно,

означает ли полнота этого пальца-пениса риск уничтожения, кастрации, или мать сожрет его целиком. Попыток сбежать он также не предпринимает, словно втайне отращенный и налитой пенис должен подчинить себе ведьму-мать, пребывающую в уверенности, что мальчик еще незрел.

Между тем в Гретель зреет ненависть к брату, который, по тексту сказки, «получал самое вкусное кушанье, а сестричке его доставались одни только объедки». Ведь он получает эту лучшую еду по одной причине: у него есть пенис, откармливанием которого поглощена ведьма-мать и на служение нуждам которого обучена готовить сама Гретель. Младший брат занял место старшей сестры, ему полагается изобильная еда, а причина тому – ожидание, когда же его пенис станет достаточно взрослым, чтобы Мать захотела овладеть им. Девочка исправно кормит брата, заливаясь слезами, но никак не содействуя его спасению.

Наконец Архаическая мать устает ждать и решает съесть сестру, поэтому приказывает Гретель вычистить печное устье. С понятием Архаической матери тесно связана идея о партеногенетическом размножении, поэтому символизм картины, где девочка должна вычистить печную полость, напоминает идею о выскабливании, об удалении содержимого матки, что пугает Гретель и заставляет предпринять попытку воспротивиться воле ведьмы. Обманным путем она предлагает Архаической матери самой опустошить «утробу», вычистить ее, стерилизовать, но стоит той приступить к действию, как Гретель заточает ее внутрь (словно поглощает, соблазнив) и испепеляет.

Убедившись в том, что старуха-ведьма уничтожена ею, девочка выпускает из клетки своего брата, словно зверя, которым она теперь воспользуется. Брат находит сундуки с камнями и наполняет драгоценностями карманы (очередная отсылка к анально-садистической эротике), его пенис зрел, он может не скрывать этого. Гретель «набивает свой фартук камнями и жемчугами», словно беременея ими от брата. Беременная сестра и брат отправляются домой.

Добравшись до дома, они узнают, что их мачеха таинственно погибла одновременно со злой колдуньей из леса бессознательного. Гретель становится хозяйкой дома. И сказка иллюстрирует эту фантазию картиной, в которой отец-дровосек радуется возвращению детей, но уже не занимает какой-либо роли по отношению к ним. Он не регулирует судьбу садомазохистского инцестуозного союза брата и сестры, очевидного в силу беременности Гретель. Таким образом получается, что его изолированное эдипальное значение не регулирует латеральное измерение сиблингов. Хотя это значение могло бы возникнуть в той части, где мать принимает решение о недостаточности либидо и отчуждении от детей. Более того, сюжетно это разворачивающееся впоследствии садомазохистское соперничество брата и сестры за право на выживание убивает ведьму, и принятый ими компромисс в слиянии стирает проекцию «мачеха-мать», она пропадает из него.

Получается, что для формирования predisпозиции к садомазохистской организации в контексте сиблинговых конструкций необходимым условием является доля родительской депривации, обостряющая

латеральную конкуренцию. Причем особая, недостаточно уточненная роль в процессе регулирования амбивалентных влечений в горизонтальном аспекте возложена именно на фигуру отца. Особенно примечательным является то, что эта роль возникает до достижения детьми фазы генитального психосексуального развития, то есть до вхождения в эдипов конфликт (в сказке этому соответствует сцена со звуками топора). Специфичным является условие, что «закон матери» (Митчел, 2020) регулирует запрет на братоубийство, но он не регулирует запрет на инцест, на сексуализацию неудовольствия или формирование садомазохистической защиты от возникновения реорганизации влечений в случае малейшей диспропорции родительских инвестиций или дефицитарности их роли. Следовательно, возникает уникальная ситуация обоюдного значения участников родительской пары: регуляция собственных либидинальных отношений родителей в значительной степени определяет латеральное измерение их детей.

Качественная либидинальная регуляция внутри родительской пары – особый фактор формирования запрета на проявление садомазохистских тенденций в сиблинговом измерении. В продолжение рассматриваемой темы предлагается оценить последствия аварии такой регуляции на примере взаимоотношений сиблингов Анны и Сергея Панкеевых из клинически описанного случая «Человек-Волк. Из истории одного детского невроза» (Freud, 1924).

*Продолжение следует.*

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
2. Винникотт Д. В. Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017.
3. Крафт-Эбинг Р. Преступления любви. Половая психопатия. М.: Родина, 2022. С. 74, 91.
4. Лапланиш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.
5. Лапланиш Ж. Жизнь и смерть в психоанализе. СПб.: Владимир Даль, 2011.
6. Митчел Дж. Скрытая жизнь братьев и сестер. М.: Когито-Центр, 2020.
7. Розенберг Б. Мазохизм смерти и мазохизм жизни. М.: Когито-Центр, 2018.
8. Федерн П. Вклады в анализ садизма и мазохизма. М.: Ergo, 2012.
9. Фрейд З. Очерки по теории сексуальности. М.: Эксмо, 2021. 34 с.
10. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Ergo, 2018.
11. Фрейд З. Экономическая проблема мазохизма // Венера в мехах: сборник. М.: РИК «Культура», 1992.
12. Фрейд З. (1915c) Влечения и судьбы влечений. [Электронный ресурс]. URL: <https://psychic.ru/articles/classic09.htm> (дата обращения: 20.04.2023)
13. Фрейд З. Навязчивость, паранойя и перверсия. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015.

14. *Balint E.* (1963) On being empty of oneself. London: Mitchell and Parsons, 1993.
15. *Dolto F.* (1982) Séminaire de psychanalyse d'enfants (coop. Louis Caldaguès), éd. du Seuil Paris,
16. *Freud S.* (1913) Totem and Taboo. [Электронный ресурс]. URL: [https://mindsplain.com/wp-content/uploads/2020/08/Totem-and-Taboo-by-Sigmund-Freud\\_.pdf](https://mindsplain.com/wp-content/uploads/2020/08/Totem-and-Taboo-by-Sigmund-Freud_.pdf) (дата обращения: 14.03.2023)
17. *Freud S.* (1924). From the History of an Infantile Neurosis [Электронный ресурс]. URL: [https://www.sas.upenn.edu/~cavitch/pdf-library/Freud\\_SE\\_Wolfman\\_complete.pdf](https://www.sas.upenn.edu/~cavitch/pdf-library/Freud_SE_Wolfman_complete.pdf) (дата обращения: 18.04.2023)
18. *Jeffers S.* (1980) Grim Brothers: Hansel and Gretel. London: Dial Books.
19. *Lagache D.* (1960) Situation de l'agressivité, Bulletin de psychologie. No°184. Novembre.
20. *Klein M.* (1975) The Psychoanalysis of Children. New York: Delacorte Press/S. Lawrence.
21. *Rosenfeld H.* (1935) Über die sogenannten "gehäuften Absencen" im Kindesalter. Medical dissertation; Triltsch, Würzburg.

## **Predisposition to sadomasochistic organization in the context of sibling configurations. Part I**

***D. V. Dudina***

*Dudina Diana V., psychoanalytically oriented psychotherapist.*

*Sadomasochistic organization of personality is a phenomenon not only of personal but also of cultural scale, which is a consequence of the archetypically significant place of sadism and masochism in society. In the works of Freud and his followers the topic of sadomasochism takes a significant place, and, of course, the authors are discussing not only and not so much a deviant form of sexual practices as a character stock, but the formation of the logic of mental apparatus functioning, a structure that is quite far removed from the concept of pleasure in an adult, sexual sense.*

*The sibling dimension is paradoxically both ubiquitous and largely ignored in psychoanalytic studies. Meanwhile, it is in this lateral environment that so much space is formed for rivalry, competition, struggle of intentions, and the playing-out of conflicts with parental projections. These complex and contradictory feelings are not controlled by the central law of the Father, yet they contain a rather strong potential for aggression and feeling of guilt, as well as a serious risk of early sexualization, forming a special preposition for the emergence of sadomasochistic organization.*

*Keywords: sadomasochism, sadism, masochism, siblings, rivalry, guilt, lateral dimension, intention to own, parental investment, family, incest, competition.*